

Наталья Медведская

Гречневая каша

16+

Наталья Брониславовна Медведская

Гречневая каша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67633074

SelfPub; 2022

Аннотация

Денис давно не чувствовал вкуса к жизни, его ничто не радовало: ни карьера, ни уютный дом, ни хорошая жена, ни успехи сына в учёбе. Ему казалось, он проживает чью-то чужую жизнь, в которой отсутствуют все позитивные эмоции, осталась только тёмная их сторона. Устав от такого бессмысленного существования, Денис решает выяснить, что случилось с ним в прошлом. Он и не подозревал, каких демонов разбудит и что узнает во время этой попытки докопаться до правды.

Наталья Медведская

Гречневая каша

Получив вождеденный приз, команда Дениса, одноклассники и болельщики четвёртой школы отправилась к своему лагерю, расположенному на большой поляне неподалёку от речки. В «Охоте на лис» между девятыми классами участвовали шесть школ района. Команда Дениса заняла второе место, не смогли отыскать в лесу один из КП¹, время уже поджимало и пришлось финишировать. Конечно, они мечтали победить, но не найдя одну закладку радовались и второму месту. Проведя на свежем воздухе большую часть дня, ребята были не просто голодны, а зверски голодны, поэтому мчались к лагерю на всех парах. Умывшись холодной водой из речки, шумно расселись вокруг костра на брёвнах. Денис проглотил слюну, наполнившую рот только от одного невероятного запаха гречневой каши с тушёнкой. Он зачерпнул кашу, источающую жар и дым костра, и блаженно сощурился. Глядя, как одноклассники быстро работают ложками, не стал отставать от них. Эмалированная чашка вмиг опустела.

– Кому добавки? – звонко прозвучал над поляной голос Наташи Кадочниковой одной из поварих.

¹ «Охота на лис» – соревнование по ориентированию на местности, поиск замаскированных радиопередатчиков или просто предметов-закладок при помощи карты и компаса. Необходимо пройти нужное количество контрольных пунктов за определённое время.

– Мне! Мне! – раздались голоса вокруг Дениса. Он погладил живот, раздумывая взять ли добавки. Рядом раздался странный противный звон.

Денис Александрович Садовников солидный сорокачетырёхлетний мужчина досадливо смахнул с тумбочки большой железный будильник. Сей предмет ещё советского производства не раз использовался им в качестве мяча. Многострадальный будильник не раз слетал на пол, но помятый и побитый по-прежнему работал исправно. Этого монстра двадцать семь лет назад подарила сыну, будущему студенту, мать Дениса. И хотя жена не раз намекала: пора бы убрать это уродство и заменить на более современный и красивый аппарат, он не соглашался. Денис Александрович чертыхнулся, наступив на плоский квадратик телефона. Значит, вместе с будильником в полёт отправился и телефон. Разозлился ещё сильнее. Мало того, что весь день, а то и всю неделю снова будет преследовать забытый вкус гречневой каши из юности, так ещё и телефон разбил. Этот сон о соревновании и трапезе преследовал его последние пять лет, превратившись в навязчивое желание снова ощутить вкус той незабываемой каши. Родственники, друзья и сослуживцы уже начали подозревать Дениса в лёгком помешательстве на этой гречке, и всю подшучивали над его привычкой в любом ресторане, кафе заказывать кашу, в надежде, что получится именно такая, как тогда в лесу. Предпринимались бесконечные попыт-

ки угостить его кашей мечты, но всё напрасно.

– Вкусно, но не похоже, – разводил руками Денис Александрович.

Постепенно это превратилась в бзик, идею-фикс и стало буквально преследовать его.

Помимо воли, словно кто-то другой занимался регулировкой настроения и чувств, в душе Дениса Александровича поднималась волна раздражения, непонятной горечи, смешанная с досадой и злостью. Жене Нине Сергеевне оказалось достаточно одного взгляда, брошенного мельком, чтобы понять: муж опять не в настроении. Она давно отчаялась увидеть хоть какое-то проявление нежности по отношению к ней. Казалось, Денис просто не способен испытывать чувство любви или хотя бы привязанности к кому бы то ни было. Разве что к сыну он иногда проявлял что-то похожее на ласку. Муж никогда не обижал её, в материальном плане полностью обеспечивал, но вот душевной близости за двадцать лет брака так и не возникло. Первые годы замужества смешливая весёлая Нина ещё надеялась расшевелить и пробудить его чувства, но в отличие от сказочного Кая, Денис так и остался с ледяным замороженным сердцем. Со временем она осознала: он просто не способен испытывать страсть или любовь. Уж такой уродился и это его беда, а не вина. Нина с трудом, но смирилась, ей казалось, её любви хватит на двоих. Но уже через несколько лет охладела к мужу, невозможно пылать рядом с каменным холодным сердцем. Но семейное

существование тем не менее оставалось комфортным и спокойным. Денис даже обрадовался, жена перестала допытывать его дурацкими вопросами. «Хоть капельку меня любишь? Хоть что-то чувствуешь ко мне?»

После окончания политехнического института Денис устроился инженером на завод по производству сахара, со временем он занял пост директора. Его усилиями предприятие успешно работало и приносило хорошую прибыль. Постепенно налаживался и быт. Из однокомнатной квартирки, взятой в кредит, они переехали в большой дом в хорошем районе города, купили дорогую машину. Сын пошёл сначала в частный детский сад, потом в платную гимназию. Денис всегда планировал свою жизнь, решив жениться, долго и старательно выбирал невесту. Отыскав нужную кандидатуру на роль супруги, он начал старательно ухаживать, но так, будто выполнял работу. Его немного смущала, по его мнению, излишняя эмоциональность рыжеволосой, зеленоглазой Нины, но характер девушки обнадёживал – он остановил выбор на ней. Нина обладала добрым весёлым нравом, прекрасно готовила, умела подать себя – в будущем могла стать хорошей матерью и хозяйкой. Он всё правильно рассчитал: жена прекрасно вела дом, умела встречать гостей, скандалила нечасто, обеспечила ему комфортное существование. Ну а то, что не любил её, так он не верил в эту самую любовь и не испытывал ничего подобного. Зато они стали хорошими друзьями и неплохими родителями единственному сыну.

Глянув на белокожее, как у большинства рыжих лицо жены, заметил насмешку в её ярких зелёных глазах.

– Да мне опять приснился этот глупый сон. Я и рад бы избавиться от него, но не получается. Теперь весь день насмарку, – буркнул Денис Александрович, объясняя своё недовольство неудачно начавшимся днём.

Нина Сергеевна отвернулась, губы превратились в узкую полоску.

«Кто бы подумал, что какая-то каша всколыхнёт Дениса и выбьет его из колеи. Не я, не сын, а дурацкая каша заставила мужа испытывать эмоции, пусть и отрицательные. Надо поговорить с врачом, попытки супруга найти вожеленную кашу стали смахивать на шизофренические.

Денис едва пригубил кофе, отставил чашку в сторону.

– Приду поздно. Ужинайте без меня.

Нина Сергеевна, вздохнув украдкой, чтобы сильнее не раздражать мужа, проводила взглядом его крепкую коренастую фигуру.

Снова вечером отправится по ресторанам. Уж сколько раз она разными способами пыталась сварить гречку и ни разу не угодила ему.

Секретарша покосилась на хмурое лицо Дениса Александровича, поправила прядку, выбившуюся из старомодной причёски, прошлась тонкими пальцами по «ракушке» скрученных волос – всё в порядке.

«Он не выбьет меня из колеи, не заставит нервничать», –

произнесла она про себя, как заклинание.

Густые чёрные брови Дениса Александровича поднялись, жёсткая линия рта саркастически изогнулась.

– Что вы стоите на пороге? Ищите, ищите договор.

Мария Игоревна как можно более спокойно, словно объясняла ребёнку, невозмутимым тоном заявила:

– Договор на поставку сахарной свеклы я положила вам на стол.

Секретарь работала с директором завода уже двадцать лет, в последнее время он сильно изменился. Она перестала узнавать прежде невозмутимого, корректного и уравновешенного человека. Раз в месяц, а то и чаще Денис Александрович превращался в невыдержанного, злого и придирчивого человека. Мария Игоревна терпеливо переждала эти кратковременные вспышки неадекватности, не желая потерять хорошо оплачиваемую работу и, памятуя о прежнем спокойном характере начальника. Хотя, уже начала подумывать об уходе на заслуженный отдых, тем более что до пенсии ей оставалась всего пара месяцев.

Денис Александрович переложил пару папок на столе.

– И где же он?

– У вас.

При звуке вкрадчивого голоса секретарши, директор нервно дёрнул головой.

– У меня нет. Идите и принесите договор.

Мария Игоревна, не обращая внимания на гнев началь-

ника, двинулась к его столу. Плавными движениями секретарша всегда напоминала ему кошку. Она не шла, а будто бы перетекала из одного места в другое. Денис Александрович шумно выдохнул, карие глаза потемнели от ярости, сила этого чувства испугала. Кажется, он совсем перестал контролировать себя и вспыхивает по любому незначительному поводу.

«Ты смотри, а тётка меня не боится», – промелькнуло в голове.

Когда он злился, начальники цехов и рабочие старались не попадаться ему на глаза, и только секретарша не выказывала страха. Мария Игоревна быстро перебрала бумаги на столе, достала из папки несколько скрепленных между собой листов бумаги.

– Вот. Вы положили его к выпискам по премиям, – секретарша растянула губы в вымученной улыбке.

Денис Александрович, понимая, что не прав, тем не менее не сдался:

– Уверены, что не сами засунули его туда?

– Уверена.

Он небрежно махнул рукой: мол, ступай прочь. У двери секретаршу догнал ворчливый голос начальника.

– Сделайте заказ в новом ресторане «Элегия».

– Как обычно? Или нормальный заказ.

Денис нахмурился. Его рассердил сарказм, явственно прозвучавший в голосе Марии Игоревны.

– Как обычно. Гречневую кашу с мясом и компот из лесных ягод.

Когда секретарша скрылась за дверь, он дал волю гневу. Швырнул на пол подставку с ручками и карандашами, пихнул на край стола стопку папок. Мария Игоревна напоминала ему невозмутимостью и спокойствием кошку и сфинкса одновременно, он уже забыл, что именно за эти качества когда-то и выбрал её из нескольких претенденток. Выбрал не молоденькую ровесницу, а тридцатипятилетнюю женщину с опытом работы. Денис Александрович осознавал, приступы неконтролируемого гнева и ярости стали случаться всё чаще, их могло спровоцировать, что угодно и это начало вредить и работе, и его репутации. Надо было что-то предпринимать, сам он не мог разобраться ни в своём поведении, ни в себе. Тем более не мог отыскать причины такого поведения.

Секретарша, проклиная глупую манию шефа, набрала номер только что открывшегося ресторана и сделала заказ. Выслушав уже привычные возгласы удивления, подтвердила заказ и зарезервировала столик.

Денис провёл рукой по отросшей к вечеру щетине, по ёжику волос, по затылку с двумя складками и снова ощутил раздражение. Раньше так не уставал от любимой работы. Быстро подписал приказы и накладные, накинул пиджак и вышел в приёмную. Мария Игоревна приподняла голову от монитора и вопросительно глянула на него. Глаза секретарши блеснули за стёклами круглых очков.

– Ещё указания.

Денис Александрович шлёпнул на стол стопку бумаг.

– Нет. Я уезжаю. Отмените остальные встречи.

Мария Игоревна и бровью не повела, за столько лет работы давно отучилась от вопросов.

Дома его явно не ожидали так рано. Жёну Денис отыскал в тренажёрном зале. Под командованием тренера она усердно приводила себя в форму к летнему сезону. Он окинул взглядом подтянутую, стройную фигуру жены, чуть нескладную из-за мосластых рук и ног и несколько крупных кистей и стоп. На белой коже россыпи веснушек. Нина откинула прилипшую ко лбу огненную чёлку и с удивлением уставилась на него.

– Я заказал столик в новом ресторане.

– И-и-и...

– Будь готова к восьми.

– Хорошо.

Денис потоптался с пару минут на пороге и отправился к себе в кабинет.

«Интересно она спит с этим тренером?»

И тут же понял: на самом деле ему неинтересно. По-настоящему его не волновала ни одна женщина, да и честно сказать, ни один человек на свете. Он не мог сказать: привязан ли к кому вообще.

Нина Сергеевна смотрела вслед мужу, пока тот не скрылся из вида.

«Опять не доволен и зол. Он не только выглядит как медведь, но и двигается также тяжело, как этот зверь».

Она больше не считала свой брак успешным. Горячая любовь, не выдержав равнодушия мужа, погасла, едва тлеющие угольки вот-вот норовили угаснуть окончательно. Нина даже подумывала о разводе, её уже не пугало одиночество или снижение уровня благополучия.

«Сколько можно стучаться в закрытую дверь, которая либо давно забита гвоздями равнодушия, либо к ней и не имелось ключа. Может, у Дениса и нет души вовсе, а я пыталась её разбудить. Надоело».

Она попыталась вспомнить, когда ледяное спокойствие мужа стало испаряться, и вспомнила – после похорон его матери. Точно! Он вернулся непривычно задумчивым. И тогда же начал сниться сон про школьные соревнования в лесу. Первым звоночком, что Денис изменился в худшую сторону, стал бокал, брошенный в стену на её невинное замечание. Дальше-больше из уравновешенного человека он превратился в недовольного брюзгу. И этот его бзик насчёт гречневой каши. Он буквально достал этим всех.

От тяжёлого характера отца меньше всех страдал сын, но именно он первый предположил у отца нервное расстройство и посоветовал обратиться к психотерапевту. Саша, названный в честь деда, которого ни разу не видел, вручил отцу визитку врача. Денис Александрович побелел от ярости, швырнул визитку в ящик стола. Чуть успокоившись, достал

глянцевый квадратик, повертел в руках. Появившись в комнате сына, поинтересовался:

– Что за врач? Действительно хороший?

Саша поднял голову от листа ватмана. Он успешно учился на четвёртом курсе архитектурного института и выполнял заказ на проект частного дома.

– Хороший. Лечит методом гипноза. Разве ты не хочешь понять, почему тебе снится один и тот же сон? Почему преследует вкус каши из прошлого? Отчего ты стал столь нетерпим?

Денис Александрович хотел возразить сыну, но удержался.

– Что есть, то есть. Немного не сдержан. – Он не стал говорить, что раздражение буквально сжигало его изнутри, будто соляная кислота. – Откуда ты знаешь об этом враче?

– Он лечил моего друга от навязчивой идеи самоубийства и преследующего его запаха горелой резины.

Денис Александрович фыркнул.

– Я не собираюсь на тот свет. Ну и как вылечил?

– Почти полгода Никита живёт без депрессантов, восстановился в институте и больше не чувствует запах резины. Он рассказывал мне: доктор погружал его в глубокий сон и выяснил, откуда появилось желание покончить с собой, с какого момента началась болезнь. Я подумал о тебе и попросил визитку врача.

Поход в ресторан ничем не отличался от предыдущих ви-

зитов в подобные заведения. Меню с претензией на изысканность блюд изобиловало иностранными названиями. Закачанную кашу принесли в горшочке, она оказалась разваренной, слишком переперчённой и пахла мокрыми тряпками. Денис отодвинул горшочек в сторону, едва прикоснувшись к отвратительному вареву.

На следующий день он позвонил по телефону, указанному на визитке. На заводе появился ненадолго, лишь подписал документы и отдал распоряжения. Через полчаса уже стучал в кабинет врача.

– Войдите.

Денис Александрович оглядел помещение – так он и представлял себе место, где вправляют мозги пациентам. Неброские оттенки мебели, неяркий свет стен, глазу не за что зацепиться. Даже картины с размытыми красками и непонятным рисунком. Доктор мужчина лет сорока-сорока пяти небольшого роста, совершенно лысый поднялся из-за стола и жестом пригласил присесть в кресло возле журнального столика.

– Вы точны, господин Садовников. Сначала просто побеседуем. Не возражаете?

Денис Александрович кивнул. Несмотря на то что доктор выглядел как-то кругленько-ладненько, обладал он при этом цепким, внимательным взглядом. Твёрдости его лицу придавал и почти квадратный подбородок.

Денис Александрович рассказал суть проблемы.

– В общем, Алексей Семёнович, желание снова ощутить вкус этой каши стало навязчивым и уже мешает мне нормально жить.

Доктор открыл папку, подал несколько листков бумаги.

– Ответьте на эти вопросы, не задумываясь. А потом продолжим.

Пока Денис Александрович ставил птички в квадратиках, Алексей Семёнович, включив негромко музыку, начал что-то быстро писать. После «Сувенира» Демиса Русоса, заиграла композиция Криса Ри «Дорога в ад», Денис усмехнулся: надо же вкусы доктора совпадают с его вкусами. Или музыка выбрала специально и помогает вызвать определённые эмоции у пациентов.

Алексей Семенович забрать заполненные листочки, отложил в сторону.

– У вас есть друзья с которыми вы сохранили отношения с самого детства?

Простой вопрос заставил Денис Александровича нахмуриться.

– Нет. – А ведь точно, он не поддерживал отношения с бывшими друзьями и одноклассникам. – После окончания школы наша семья переехала в другой город. Я поступил в Политехнический, наверно, поэтому дружба прекратилась сама собой.

– И вы не созванивались, не встречались ни с кем из прошлой жизни? – серые глаза доктора сверлили растерявшегося

ся пациента.

– Нет. Я как-то не задумывался об этом. Началась новая жизнь, а детство и юность осталась в прошлом. – Денис почувствовал, что начинает нервничать, странное горькое раздражение вкуче со страхом поднималось из глубины души. – У меня есть друзья с института, с работы. Разве этого мало?

– Вы единственный ребёнок в неполной семье, и, скорее всего, стали смыслом жизни для матери?

– Угадали. Ради меня она была готова на всё. После её смерти я действительно осиротел. Только мать способна любить просто так, ни за что.

Алексей Семёнович встал из-за стола и прошёлся по кабинету, Денис Александрович с трудом подавил раздражение, он уже начал жалеть, что поддался на уговоры сына и пришёл к психотерапевту.

– Вы разве не будете меня гипнотизировать?

– На первом сеансе нет. Я должен выяснить, на каком этапе и почему произошло нарушение психомоторной реакции, расстройство памяти. Вы почему-то ничего не помните, начиная с десятого класса.

Денис Александрович запротестовал:

– С чего вы взяли? Помню. – Он попытался выудить из памяти события после окончания школы и не смог. Будто кто-то стёр всё: год учёбы в десятом классе, экзамены, выпускной, поступление в институт. А вот первый курс он не забыл. Картинка на прежде тёмном экране памяти вспыхну-

ла и заиграла яркими красками.

Доктор, пристально наблюдающий за реакцией пациента, покачал головой.

– Видите? Амнезия коснулась примерно двух лет. Что-то тогда случилось.

– Но мне снятся соревнования после девятого класса, – процедил Денис Александрович, чувствуя, как колотится сердце и похолодели руки. – Избавьте меня от воспоминаний об этой долбанной каше. Больше ничего я от вас не прошу. Какая разница, отчего я забыл эти два года. Может, ничего важного не происходило, вот и выбросил ненужный хлам из головы.

– Судя по вашей реакции, как раз наоборот: заговздка именно там.

Денис Александрович сжал руки в кулаки, пытаясь остановить дрожь в пальцах. Во рту пересохло, а в душе поднималась очередная волна паники и страха.

– Следующий сеанс через два дня. Жду вас в шесть вечера, – доктор уселся за стол.

Денис Александрович на ватных ногах с трудом поднялся из глубокого мягкого кресла, буркнул:

– До свидания.

Бурный поток серо-жёлтой воды накрыл с головой, он пы-

тался разглядеть в мутной воде хоть что-то и не мог. Лёгкие горели от недостатка воздуха, в голове помутилось, Денис не выдержал и вынырнул на поверхность. Его отнесло от берега на приличное расстояния. Он подумал, что сил доплыть до берега не будет, но в отчаянии набрал воздуха побольше, и снова нырнул под воду.

Денис проснулся от собственного тяжёлого дыхания. Не сразу отойдя от сна, схватился рукой за горло. Ему казалось, он ощущает во рту воду с песком. В висках пульсировала острая боль.

«Какой ужас! Неужели я когда-то тонул? Может, это воспоминание скрывает сознание. Или ещё хуже собирался покончить с собой. Ведь зачем-то снова нырнул в воду, хотя уже сил не осталось, – он сжал руками голову, кончики пальцев ощутили толчки крови в венах. – Я не помню целых два года собственной жизни? Что произошло со мной? Почему никогда не разговаривал с матерью о школе, друзьях? Да и она никогда не вспоминала жизнь в посёлке Майском, словно мы всегда жили в районном городке».

Он встал на ноги и покачнулся.

«Чёрт! Будто тонул на самом деле, а не во сне. Однако, докторишка взбудоражил память. Раньше снился славный, хоть и привязчивый сон, а теперь привиделся настоящий кошмар».

За завтраком его встретил только сын. Он допивал кофе, стоя.

– Привет, пап. Плохо выглядишь. Не выспался?

– Спал неважно, – отмахнулся Денис Александрович. – А мать куда с утра умчалась?

– Сказала по делам. Тебе как в старину письмо оставила. Я даже подшутил над этим. Всё пока, я побежал.

Денис выпил болеутоляющее, заварил крепкий чай, развернул записку.

Извини, не смогла сказать это глядя в глаза. Я уйду от тебя. Надоело. Ты никогда не любил меня, а я устала изображать преданную жену. Последней каплей стал вчерашний поход в ресторан. Мои переживания и мысли тебе не интересны, моя жизнь проходит рядом с тобой впустую. Ты стал совершенно чужим человеком. Пропасть между нами всё растёт. Лучше расстаться сейчас, пока я окончательно не возненавидела тебя. Я подала на развод. Знаю, как человек холодного рассудка ты поступишь честно и не обидишь меня при разделе имущества.

Нина.

Денис сделал большой глоток и зашипел от боли, кипятком обжёг нёбо и язык. Он отставил чашку, перечитал письмо ещё раз. В душе царил покойствие, будто давно предчувствовал такой исход. Нина и так слишком долго терпела холодность и равнодушие. Денис не желал признаваться, что ощутил облегчение, ему тоже надоело изображать нормального мужа, каковым он никогда не являлся.

На заводе Денис Александрович проработал полдня, от-

дал распоряжения и отправился на кладбище. Почти два часа просидел на скамеечке у могилы матери. Память упрямо отказывалась возвращать хоть частичку прошлого. Он смотрел на овальный портрет в чёрной окаёмке – здесь ей почти столько же, как сейчас ему. В семьдесят лет мать превратилась в измождённую старуху, но на могильном камне просила изобразить её полной сил. Денис горько усмехнулся: женщине не всё равно как выглядеть, даже на памятнике. Сколько он себя помнил, с ним рядом находилась мать. Будучи довольно жёстким категоричным человеком, считала себя не вправе сочинять розово-мыльные истории, на его вопрос: где мой папа? Ответила прямо:

– У тебя есть только я и бабушка с дедушкой. Извини сынок, но достойного кандидата в отцы не нашлось. Ты только мой. И больше на эту тему говорить не будем.

– Раз я Александрович, его звали Сашей? – не удержался он от второго вопроса.

Мать недовольно дёрнула плечом, лицо потемнело.

– Я тоже Александровна, ты носишь имя дедушки. Я же сказала, человек, давший тебе свои хромосомы, никто и звать его никак.

Теперь он снова задал бы эти вопросы – только некому. Родители матери умерли двадцать лет назад, других родственников не имелось. Что скрывает его прошлое? Отчего они уехали из Майского и никогда туда не возвращались? Неужели не оказалось ни одного друга, с которым захотелось

бы повидаться? Может, он натворил что-то, или наоборот ему сделали плохо? Много лет он жил спокойно, ничто не тревожило его. Почему только теперь из подсознания прорвались сигналы в виде снов, тревоги и беспокойства.

Денис Александрович твёрдо решил съездить в посёлок и всё выяснить. И сделает это сразу после второго сеанса у психиатра.

Усталые и довольные ребята расселись вокруг костра: кто на бревнах, кто прямо на траве. От большого казана, висящего на железной треноге, исходил необыкновенно вкусный аромат гречневой каши с тушёнкой. Денис похлопал по бревну, приглашая Ромашку сесть рядом с ним. Лена Ромашкина, переступая через ноги одноклассников и стараясь не уронить глубокую эмалированную чашку, доверху наполненную кашей, пробралась к нему.

– Мне сразу на двоих насыпали. А ты в свою положи огурцы и помидоры, – посоветовала она, усаживаясь на шероховатое бревно.

– Держи местечко. Я мигом смотаюсь.

Денис в несколько шагов приблизился к эмалированному ведру с нарезанными овощами. Вернувшись к однокласснице, пристроил горячую чашку с кашей на колени, подложив под доньшко свёрнутую куртку.

К поляне, где расположился спортивный лагерь тринадцатой школы, от густого подлеска поползли сумерки.

Денис обшарил карманы.

– Ложку где-то посеял. Попробую поискать.

Лена хмыкнула, округлив при этом и так большие голубые глаза.

– Вряд ли отыщешь в траве. Может, на кухне есть запасные? Хотя, если ты не против, можем есть одной.

Денис кивнул. Лена зачерпнула кашу и поднесла к его рту. Он осторожно снял губами гречку с ложки. Раскрывшиеся от жара и огня, будто бутоны цветов, зёрнышки гречки вобрали в себя вкус тушёнки, энергию живого огня и чуть горьковатый аромат дыма. Этот букет необыкновенных вкусов и запахов мгновенно запечатлелся на языке и во рту. Он ухватил колёсико огурца и с аппетитом им захрустел.

– Обалдеть! – невнятно произнёс Денис. На его лице появилось блаженное выражение.

Ложка с кашей коснулась рта Лены, Денис, как замороженный смотрел на одноклассницу. Она снова зачерпнула кашу и протянула ему.

– Соблюдаем очерёдность.

Денис проглотил гречку, опять ощутив тот же неповторимый вкус и аромат.

В потемневшем небе раздался сильный раскат грома, будто с горы покатались огромные валуны, с треском ударяясь друг о друга. Через несколько секунд небо над поляной

прочертила яркая вспышка молнии. После этого фейерверка стало ещё темнее. Учителя засуетились, приказали быстрее доедать и отправляться всем в палатки. Повара бросились убирать импровизированный стол из жердей. Денис и Лена, обжигаясь, опорожнили тарелку с кашей, смеясь, похватали последние кружочки помидор и огурцов. Первые тяжёлые капли с шипением упали в костёр, забарабанили по натянутому брезенту палаток. Лена взвизгнула от холодных капель, упавших за шиворот, на тонкую ткань футболки. Они быстро сполоснули чашки водой из ведра, пристроили их на жерди и, взявшись за руки, помчались к палаткам. Лена, прежде чем нырнуть в свою палатку, быстро коснулась его щеки прохладными губами. И от этого невинного поцелуя, и от начинающейся грозы, и отчего-то ещё не понятного, наполнившего душу Дениса восторгом и радостью, его сердце учащённо забилося.

Ребята зажгли в палатке фонарик, стало даже уютно. Капли воды сильнее забарабанили по палатки, выбивая стакато летнего дождя. Денис слушал, как друзья комментируют каждый новый раскат грома, чередующийся со вспышками молний, и не принимал участия в несколько сумбурном разговоре. Он обхватил руками колени и закрыл глаза. Перед внутренним взором стояло лицо Ромашки. Он воочию видел её сияющие глаза, аккуратный маленький рот, розовый кончик языка, мелькающий между влажных белых зубов. В его душе ширилось и росло непонятное томление, по-

хожее на сладкую боль. Денис не понимал, почему его сердце медленно, но верно наполняет всеобъемлющий восторг и радость пополам с печалью и тревогой. Приподняв кусок плотной ткани, закрывающей вход, он выглянул наружу. Молния осветила поляну, затухающий костёр, верёвки с трепыхающимися на них разноцветными флажками. Раздался мелодичный звон. Денис попытался найти источник необычного звука – открыл глаза и застонал от разочарования. Он лежал на кушетке в кабинете психотерапевта. Звон издавали часы, стоящие на столике рядом с кушеткой.

– Денис Александрович, как чувствуете себя? Я уже начал волноваться, четвёртое погружение оказалось слишком глубоким, с трудом вывел вас обратно, – доктор пытливо вглядывался в необычное выражение на лице пациента. От недовольного брюзги не осталось и следа. Сейчас Денис Александрович выглядел помолодевшим и кажется счастливым.

– Хорошо чувствую. Теперь я знаю, откуда появился бзик с кашей, – засмеялся Денис, заставив доктора удивлённо поднять брови. Тот даже предположить не мог, что его пациент способен улыбаться.

– Давайте обсудим увиденное вами, – предложил Алексей Семёнович.

Денис махнул рукой.

– В принципе обсуждать нечего. Кашу именно такого вкуса, который я запомнил, оказывается, варили в лесу на костре, – он лукавил, ему совсем не хотелось делиться с врачом

воспоминаниями об однокласснице. Денис уже понял: не в каше дело, а в том с кем её ел. Он ещё чувствовал в сердце отголоски радости и нежной влюблённости в Лену.

Доктор хрустнул пальцами, опомнился: демонстрирует пациенту вредную привычку.

– Вы ещё не пришли в себя после погружения в прошлое, давайте побеседуем в другой раз.

Денис согласился. Записал в ежедневник часы следующего посещения.

Выйдя на ступеньки, вдохнул полной грудью воздух, напоенный запахом цветущих лип. Забытая радость всколыхнулась в сердце.

«Надо же как красиво! Небо синющее, сквер будто в жёлтой дымке от аромата распустившихся цветов. Пчёлы жужжат, как вертолёты».

Ему не хотелось возвращаться на завод, к бумагам, к работе, он не вспомнил о записке жены. Казалось, только проснулся от серого монотонного сна и впервые после долгого времени заметил: жизнь вокруг полна красок, ароматов и эмоций. Денис направил машину за город. Уже через полчаса он съехал с дороги в ближайшую лесополосу, и, не обращая внимания на дорожную одежду, улёгся в траву. Перед мысленным взором появилось лицо Лены Ромашкиной. Вот они готовятся к экзаменам у них дома. На фоне окна её профиль выглядит столь трогательно, что он не может удержаться и поправляет русую прядку, упавшую ей на глаза. Это

только повод прикоснуться к ней. Кончики пальцев ощущают её атласную кожу. Лена поворачивает голову, и он близко видит большие голубые глаза, окружённые стрелочками ресниц. Денис наклоняется – глаза сливаются в один сияющий глаз. Улавливает её дыхание, сердце колотится так, что он слышит стук. В ушах появляется глухой монотонный шум. Невероятно, но он чувствует, как бежит кровь по венам. Денис прикасается к губам одноклассницы и чуть не теряет сознание, только спустя несколько секунд осознаёт, что перестал дышать. Делает один глубокий вдох, потом второй. Лена целует его в уголок рта и вскрикивает: он слишком крепко сжал её пальцы. За дверью раздаются шаги, с красными лицами они отскакивают друг от друга.

– Вот свежий чай заварила, перекусите пирожки с картошкой, – предлагает мать Лены, несколько подозрительно оглядев дочь и Дениса.

Днём они пытаются заниматься, вечерами уезжают на велосипедах на берег Кубани и там, под покровом ив и прибрежных кустарников целуются до онемения в распухших губах.

Денис Александрович встал из травы, отряхнул брюки. Юношеская любовь, вернувшись в воспоминаниях, оживила всё вокруг и наполнила мир забытыми ощущениями. Он не понимал, как он мог забыть Лену? Уехать в другой город и не помнить свою Ромашку.

Дом встретил его непривычной тишиной. Сын, видимо

ещё не вернулся из института. Денис прошествовал на кухню и с удивлением обнаружил там Нину, сидящую за чашкой давно остывшего кофе.

– Ты прочёл записку?

Денис сел напротив, положил руки на стол.

– Да.

– И-и-и.

– Половина всего твоя. Сама же написала: я человек честный. С домом как-нибудь решим.

Нина вздохнула:

– Прямо как в анекдоте хочется поругаться или закатить скандал, чтобы расшевелить тебя.

Денис улыбнулся.

– Не стоит. Ты хороший человек, замечательная мать, сделала только одну ошибку: выбрала меня.

Глаза Нины расширились: давно не видела у мужа такой обаятельной улыбки.

– Это точно. Зря. Собственно я ждала тебя, чтобы сообщить: документы на развод подала, сегодня вечером уезжаю отдыхать в Италию.

Денис дотронулся до руки бывшей супруги.

– Удачи.

Он из последних сил нырнул в мутную грязную воду, по-

пытался разглядеть хоть что-то. Ничего. Остатки воздуха из лёгких мелкими пузырьками поднялись на поверхность быстро текущей реки. Угасающим сознанием Денис отметил в метрах двух от него Лену с раскинутыми в стороны руками, но дотянуться до неё уже не мог. Откуда-то сверху послышался нарастающий звон.

– Денис Александрович, очнитесь, – прозвучал требовательный голос доктора. – Вы так кричали. Я впервые сталкиваюсь с таким сильным погружением в прошлое, опасался, что вы не вернётесь. Пульс упал, дыхание стало редким. Думаю необходимо прекратить сеансы.

Денис не мог отойти от кошмара, от ужаса, сердце рывалось от печали и тоски. Он совсем недавно обрёл Лену и только что потерял её снова. Воспоминания обрушились несдерживаемой лавиной и норовили поглотить его без остатка, утянуть на дно бездонного омута горя.

– Я всё вспомнил. В девятом классе я полюбил одноклассницу. Мы дружили и собирались вместе поступать в институт. Я вспомнил экзамены, выпускной... Июнь и июль мы провели вместе, купались на речке, а вы знаете нашу бурную Кубань... В общем, Лена утонула, а я как-то выплыл. В тот год я не стал поступать, просто не мог, чуть до ручки не дошёл, – Денис Александрович поднял измученные глаза на доктора, приложил руку к груди. – Так больно. Вот что я хотел забыть и забыл.

Алексей Семёнович кивнул:

– Видимо, вы очень любили эту девушку. Сознание, сохраняя мозг от сумасшествия и боли, напрочь вычеркнуло из жизни два года. А мы сейчас их вернули. Забвение было вашим спасением. Не всегда полезно будить демонов прошлого.

– Её мать винила во всём меня и правильно делала: я должен был спасти Лену. Друзья и знакомые отвернулись, но они не могли наказать меня больше, чем я сам себя. Я находился в аду. Осознавать, что больше не увидишь, не услышишь её голос, что она исчезла навсегда, оказалось невыносимым для меня. Лена – моя душа и сердце, после её смерти умер и я. Вы видите лишь тень того человека, пустую оболочку без души.

Что лучше считать себя человеком с ледяным сердцем, не способным к любви или знать, что ты любил и потерял? Денис держался только на больших дозах антидепрессантов и снотворном. В огромном доме он остался один: бывшая жена отдыхала в Италии, сын уехал на стажировку в Англию. Чувствуя себя неспособным продолжать никчёмное существование, ранним утром он появился у кабинета психотерапевта. Алексей Семёнович удивился, увидев его.

– Разве я вам назначал?

– Нет. Но я хочу попросить вас отправить меня в прошлое,

в то время, когда я только начал общаться с Леной, в лес, на соревнования.

– Хотите вернуться в то счастливое время. Но вы понимаете, это может стать для вас наркотиком. Вы должны оставить прошлое в прошлом и жить дальше.

– Это всего лишь слова. Я не могу жить с мёртвой душой. Вдруг воскресить её сможет новая попытка погружения?

Врача пришлось долго уговаривать, он сдался, лишь взяв с него слово: больше не просить.

В этот раз переход в прошлое, скачок в собственное подсознание Денис ощутил, как стремительный полёт в глубокую воронку. Очнулся он на поляне, рядом с Леной.

– Если не против, будем есть одной ложкой?

Волна счастья накрыла с головой. Ромашка рядом – живая! Второй мыслью стало: странные игры подсознания, я ощущаю себя мальчишкой, а память сохранила воспоминания взрослого человека.

– Ты против? – в голосе Лены звучала обида.

Он понял, что смотрит на неё и молчит.

– Нет-нет, я только за, – спохватился он и поставил эмалированную чашку с горячей кашей себе на колени. – Ой!

Лена закрыла рот ладошкой, сдерживая смех.

– Больно?

– Немного.

На этот раз погружение в прошлое шло немного по-другому сценарию. Когда Лена, прежде чем нырнуть в палатку,

коснулась его щеки губами, он взял её лицо в ладони и нежно поцеловал. Над их головой раздался сильный раскат грома, поляну осветило вспышками молний. Денис, насладившись потрясённым видом одноклассницы, легонько подтолкнул её в палатку.

– Иди, а то промокнешь.

Миг возвращения из прошлого он тоже уловил. Его выкинуло из крутящейся воронки в серо-белое пространство, и лишь спустя пару секунд раздался голос доктора.

Денис ощутил лёгкое жжение на коленях. На глазах у растерянного психиатра снял брюки и увидел красные пятна ожога.

– Там у костра я нечаянно поставил чашку с кашей на колени. И вот полюбуйтесь, проявился ожог. Как это возможно?

Алексей Семёнович сузил серые глаза, подпёр рукой подбородок.

– Я уж думал, вы рехнулись, когда бросились стаскивать штаны. Объяснение простое – игра подсознания. Может, слышали о таких опытах. На глазах человека делали вид, что укололи ему пальцы. У некоторых появлялись раны от укулов. Или ещё вариант, лили ледяную воду, говоря, что это кипяток. Самые внушаемые получали ожог. Вот так и с вами произошло.

– Наверно, – нехотя согласился Денис. – Я обещал вас больше не просить о сеансе, но хочу нарушить обещание.

Верните меня к одноклассникам в лес ещё раз. Разве вам самому неинтересно узнать о работе подсознания больше?

Доктор задумался.

– Хотелось бы увидеть, что нового принесёт следующее возвращение. Не окажется ли оно опасным для вас?

Денис Александрович усмехнулся.

– Что опасного, если это игры подсознания. Сами объяснили.

Алексей Семёнович устался в окно, погладил лысую голову.

– Ладно. Рискнём. Тогда до завтра.

Денис Александрович еле дождался следующего дня. Ночью он так и не смог уснуть от волнения, утро встретил с красными глазами и больной головой.

– Вы неважно выглядите, – нахмурился доктор, – лучше отложить сеанс.

Денис Александрович занервничал.

– Не стоит. Сомневаюсь, что завтра буду выглядеть лучше, чувствую себя сжатой до отказа пружиной. Я хочу кое-что проверить. Там в лесу рядом со столом из жердей висела картонка, на ней фломастером писали меню обеда. Я как раз проходил мимо неё к месту, которое для меня заняла Лена. Отправьте меня в прошлое, попробую написать на правой руке пару слов.

– Вы сами понимаете, что несёте бред? Хотя... – Алексей Семёнович оживился, глаза заблестели. – Закатите рукава.

Денис Александрович подчинился.

– Думаете, я уже заранее нацарапал что-то?

– Проверить не мешает, – он внимательно осмотрел чистую кожу на обеих руках пациента, даже потёр её слегка.

И опять повторилось чувство погружения в воронку. Оказавшись на знакомой поляне, Денис отыскивал глазами картонку.

– День, сюда, – Лена показывала рукой на бревно. – Я заняла тебе место.

Он улыбнулся, помахал ей рукой. Привязанный на верёвочку чёрный фломастер висел рядом с картонкой. Денис схватил его и быстро вывел на правом предплечье слова: нужно вернуться. Потом со спокойной душой наслаждался любимой кашей, общением с одноклассницей и друзьями. Прощаясь у палатки с Леной, ухитрился поцеловать её дважды, за что чуть не получил по голове за наглость.

Возврат начался резко, рывками. Его словно что-то не отпускало из прошлого, очнулся он от ударов по щекам.

– Вы напугали меня, не слышали звонка, моих слов. Еле привёл вас в сознание. Эксперимент становится опасным, – пробормотал доктор, утирая платком обильный пот, покрывший лысую голову.

Денис Александрович бросил взгляд на руку. На коже отчётливо виднелась надпись: нужно вернуться.

– А ведь получилось! Вы понимаете, что это значит! Я

могу спасти Лену. Не пустить на реку, в воду.

Алексей Семёнович устало ссутулился, небольшое ладное тело как-то уменьшилось.

– Вы обманываете себя. Одно дело сделать надпись, другое – вернуть из небытия человека. Я не знаю, как объяснить появление двух слов на вашей коже, сам видел, как возникали буквы.

– Я не собираюсь изменить сегодняшнюю жизнь, я только подправлю прошлое.

Доктор покачал головой.

– Не обманывайте себя, это никому не удавалось. Иначе мы могли бы исправлять ошибки, которых хватает у каждого.

– А что если мы силой мысли зарожаем зерно нового мира, новую реальность? И если захотим, сможем жить в созданной нами реальности, – Денис не сводил глаз с чёрных букв на руке.

Алексей Семёнович тронул рукой метроном. Размеренный звук показался ему не звуком, отчитывающим секунды, а шагами вечности. Между лопаток потянуло холодом.

– Слишком фантастичное, ни на чём не основанное предположение. Не более того.

За два дня Денис Александрович успел сделать много. Написал завещание на сына, назначил управляющего на завод,

подписал бумаги, отдал распоряжения. Снял со своего счёта крупную сумму денег.

Увидев странного пациента на пороге кабинета, Алексей Семёнович, ощутил беспокойство.

– Больше вы не уговорите меня на эксперименты.

Денис хмыкнул:

– Уверены? – В кармане пиджака лежала коробочка с тремя таблетками. Сильнейшее сердечное средство он собирался выпить перед началом сеанса. Кажется, он предусмотрел всё: лекарство должно подействовать через десять-пятнадцать минут, после приёма. – А что вы скажете на это? Ещё один сеанс и деньги ваши. Никакого риска. – Он не собирался говорить доктору о таблетках. Это его решение. Он собирался исчезнуть в этом мире, чтобы навсегда остаться в том другом. Денис верил в мир, созданный силой его мысли и страстного желания. А если это и не так, то здесь его уже ничто не держало. – Только дайте слово, что продолжительность сеанса на этот раз будет больше получаса.

– Я не дал вам согласие, – пробормотал доктор, не сводя глаз с внушительной стопки банкнот.

Но Денис уже видел сомнение на его лице.

– Здесь два миллиона рублей и о них никто не знает. Мне нужно ваше слово. Больше получаса. Это важно.

Алексей Семёнович поинтересовался:

– Ещё хотите поэкспериментировать? Ладно. Чёрт с вами! Но и вы дайте твёрдое слово – это последняя просьба.

– Последняя – обещаю. У вас водички не найдётся?

Денис Александрович сделал глоток, незаметно кинул таблетки в рот и запил их.

– Я готов.

Стремительное падение в воронку завершилось на этот раз чуть раньше. Их команде вручали приз за второе место. Выслушав поздравительные речи Толик Громов, похожий на цыгана, прошёлся по поляне на руках. Довольно чувствительно хлопнул Дениса по спине.

– Второе место тоже не халам-балам. В следующий раз возьмём первое.

Денис посмотрел на него. Как он мог забыть Толика? Лучшего друга детства.

– Точно! Кушать хочется, прямо быка бы съел.

– И я тоже. Живот к позвоночнику прилип.

– Мальчики, отнесите рюкзаки, а мы займём вам места, – предложила Лена Ромашкина.

Вторая девочка из команды Надя согласно кивнула, вручая рюкзак Толику.

У костра было шумно, казан на всю поляну источал аромат гречневой каши.

Денис заметил Лену и стал пробираться к ней. Когда он уселся рядом с ней, земля вдруг дрогнула, зашаталась. Ему показалось, что вечерний воздух заискрил, перед глазами замелькали сияющие звёздочки, будто его здорово приложили по затылку. Денис схватился за голову, кружение прекра-

тилось. Вокруг словно навели резкость: краски стали ярче, предметы выпуклее, запахи сильнее.

Лена дотронулась до его руки.

– Голова заболела?

– Прошло. Мне вдруг такая ерунда почудилась: будто я уже был взрослым... В общем, полная чушь.

– Точно чушь. Я насыплю каши в свою тарелку, а ты на-
бери овощей, идёт?

– Идёт.

Тренер постучал ложкой по чашке.

– Ребята, принимаем пищу в темпе, гроза близко.

Денис глянул на светящийся циферблат на руках Толика
– двадцать тридцать.

«Я здесь больше часа», – промелькнула странная мысль, немного встревожившая его, но тут же выброшенная из головы. На самом доньшке подсознания остался лишь непонятно откуда взявшийся страх: никогда не позволять Ромашке купаться в Кубани, иначе быть беде. Этот страх буквально впечатался в его сердце и память, навсегда остался с ним как некое руководство к действию в будущем.